УДК [94:327](470+476)
DOI: https://doi.org/10.17308/history/1995-5480/2026/2/49-55

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО РОССИИ И БЕЛОРУССИИ КАК ОСНОВА ИНТЕГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (1995–1999 ГОДЫ)

Ю. И. Веревкина

Курский государственный университет

THE UNION STATE OF RUSSIA AND BELARUS AS A BASIS FOR INTEGRATION IN THE POST-SOVIET SPACE (1995–1999)

Yu. I. Verevkina

Kursk State University

Аннотация: *статья посвящена изучению начальной истории российско-белорусского Союзного государства. Основное внимание уделяется анализу стартовых условий развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве в 1990-х гг. Устанавливаются причины развития в регионе многоуровневой интеграции, а также факторы, предопределившие жизнеспособность российско-белорусского союза на двусторонней основе. Делается вывод о том, что интеграционный проект России и Белоруссии – Союзное государство, несмотря на противоречивый опыт его становления и развития, явилось стратегической основой реализации интеграционных планов России на постсоветском пространстве.*
Ключевые слова: *Россия, Белоруссия, интеграционные процессы, Союзное государство.*

Abstract: *the article is devoted to the study of the initial history of the Russian-Belarusian Union State. The main focus is on analyzing the starting conditions for the development of integration processes in the post-Soviet space in the 1990s. The article identifies the reasons for the development of multi-level integration in the region, as well as the factors that contributed to the viability of the Russian-Belarusian Union on a bilateral basis. The article concludes that the integration project of Russia and Belarus, the Union State, despite the controversial experience of its formation and development, has become a strategic foundation for Russia's integration plans in the post-Soviet space.*
Key words: *Russia, Belarus, integration processes, Union State.*

С распадом СССР и образованием новых независимых государств (далее – ННГ) возникла новая региональная подсистема международных отношений – постсоветское пространство, где с самого начала преобладали крайне противоречивые тенденции в виде обособления республик друг от друга и желания сохранить существовавшие связи. Первая во многом была связана с утверждением государственного суверенитета, который трактовался сквозь призму преодоления «советскости» и формирования новой политической реальности. Вторая определялась влиянием прежнего единства и взаимосвязанности на политику новых акторов системы международных отношений. Цель настоящей статьи – реконструировать условия, в которых осуществлялись планы реализации интеграционной стратегии России и Белоруссии в регионе, и определить ключевые факторы, предопределившие использование многоуровневого и разноскоростного подхода. В начале 1990-х гг. возникла проблема интеграции, ставшая со временем инструментом национального развития республик бывшего СССР на суверенной основе. Первоначально (до 1995 г.) основной формой для воплощения интеграционных планов считалось СНГ, в рамках которого фактор взаимозависимости ННГ в экономической сфере должен был быть обеспечен процессом объединения в новых условиях.

Однако общее состояние Содружества в тот период едва ли было способно поддерживать соответ-

© Веревкина Ю. И., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

ствующие импульсы. С политической точки зрения СНГ (при ближайшем рассмотрении) оказывалось сугубо формальным образованием, своеобразным «клубом», где «обсуждались вопросы и принимались решения, не обязательные к исполнению» [1, л. 32]. При этом каждое государство, входящее в СНГ, «публично соглашаясь с необходимостью стратегического партнерства», тем не менее, не считало нужным согласовывать свои действия с другими членами Содружества [там же, л. 33].

Для организации, по мнению известного отечественного специалиста А. Д. Шутова (в целом мы разделяем его точку зрения по данному вопросу), являвшейся «продуктом неконституционного распада СССР», отсутствовали «пригодные условия» существования и развития [2, с. 25]. В России практически сразу после распада СССР предпочтение стали отдавать двусторонней модели взаимодействия с ННГ, которая позволяла более оперативно и эффективно решать возникающие проблемы, в частности, в сфере раздела общесоюзной собственности. Подобный подход, несмотря на возможности извлечения из него реальных результатов, мало способствовал развитию общеинтеграционного процесса в пространственных рамках СНГ, однако именно он становился определяющим при развитии межгосударственных связей России с другими постсоветскими республиками.

Тем не менее, оценивая действия Российской Федерации на этом направлении, вряд ли можно признать справедливым мнение о том, что политическое руководство России не занималось СНГ. Российская дипломатия, в противовес украинской позиции, стремилась укрепить институциональную основу Содружества и придать большую эффективность ключевым органам объединения. Так, во многом благодаря активным действиям Российской Федерации был создан Совет министров иностранных дел и Исполнительный секретариат СНГ [3, с. 45]. Кроме того, в целях повышения взаимодействия ННГ в экономической сфере Россия инициировала в 1993 г. создание Экономического союза СНГ. 21 октября 1994 г. в Москве был учрежден Межгосударственный экономический комитет (МЭК) Экономического союза[1]. Данное объединение, по замыслу российской стороны, должно было стать «мотором постсоветской интеграции», однако известная слабость самого Договора об Экономическом союзе на практике предопределила невозможность коренного перелома во взаимоотношениях постсоветских государств [2, с. 41]. Сказывались и некоторые другие факторы. К осени 1994 г. наметилась тенденция на переориентацию внешнеэкономических связей постсоветских стран, прежде всего самой России, на так называемое «дальнее зарубежье». Председатель последнего Правительства СССР Н. И. Рыжков по этому поводу приводил следующие оценки: только в первом полугодии 1994 г. Российская Федерация, по сравнению с соответствующим периодом 1993 г., сократила поставки в страны Содружества нефти и угля на 30–40 %, автомобильного бензина на 90 %, мазута и дизельного топлива – на 60–70 %, природного газа – на 20 % [4, л. 6]. Следует отметить, что такое положение, хотя и обеспечивало необходимый приток иностранной валюты, тем не менее не работало на консолидацию региона и способствовало образованию «автономных интеграционных объединений» на постсоветском пространстве.

Когда в 1994 г. возникло первое субрегиональное образование без участия России – Экономический союз Казахстана, Узбекистана и Киргизии[2], перед Россией стала вырисовываться крайне неблагоприятная перспектива. В этом же направлении шло развитие западного и южного флангов СНГ, где в проекции фигурировал балто-понтийский союз, призванный ослабить позиции России в региональных рамках Содружества.

Кроме того, следует учитывать и политику западных стран в регионе. Администрация Б. Клинтона открыто заявляла, что геополитическое обособление от России нефтяных и газовых ресурсов Средней Азии и Закавказья есть главная гарантия избежать восстановления СССР [2, с. 11]. Как подчеркивал в одной из своих работ отечественный исследователь А. Д. Шутов, «американские дипломаты, отправлявшиеся на работу в страны СНГ, получали инструкции с подробными рекомендациями, как с наибольшей эффективностью противодействовать центростремительным тенденциям в регионе» [там же]. В целом США в этом направлении использовали разнообразные формы, начиная от политики расширения НАТО на Восток до инициирования на постсоветском пространстве интеграционных групп с ярко выраженной антироссийской направленностью. Таким образом, геополитическая реальность вынуждала руководство России пересмотреть первоначальные подходы, практиковавшиеся в отношении стран СНГ.

В сентябре 1995 г. в специальном указе Президента Российской Федерации «Стратегический курс России с государствами – участниками СНГ» была подчеркнута приоритетность отношений со странами Содружества, был сделан акцент на том, что в регионе сосредоточены жизненные интересы России.

[1] В ноябре 1995 г. Совет глав правительств СНГ делегировал МЭК наднациональные полномочия, что являлось серьезным достижением дипломатии Российской Федерации.

[2] В 1996 г. к объединению присоединился Таджикистан, что означало формирование новой реальности в Центральной Азии в виде существования особого экономического и военно-стратегического пространства, к которому Российская Федерация не имела отношения.

Многие отечественные исследователи с принятием этого документа связывали начало нового этапа российской внешней политики в СНГ [3, с. 48]. Соглашаясь с подобным подходом, считаем важным подчеркнуть, что и после данного указа продолжалось обсуждение российской стратегии на постсоветском пространстве, в частности, активно дискутировались сценарии интеграции региона. В российском МИДе полагали, что в СНГ отсутствуют условия для «одновременной и многосторонней интеграции», за основу был взят сценарий «разноскоростного и разноуровневого интеграционного развития» [2, с. 169]. В вопросе о выборе приоритетных партнеров, с которыми следовало развивать соответствующие процессы, назывались Украина и Белоруссия. Выбор данных государств был предопределен, в частности, тем, что они являлись наиболее развитыми в экономическом и технологическом отношениях территориями, а также были близки к России в социокультурном плане. Однако, как показывал опыт развития государств, реально рассчитывать приходилось только на Белоруссию. Что касается Украины, то ее участие признавалось желательным, но едва ли возможным. Поэтому наиболее важным партнером для поддержания и развития центростремительных процессов в регионе на практике становилась Белоруссия.

Большое значение при определении российской позиции имели и предложения белорусской стороны о создании с Россией «всеобъемлющего союза» с акцентом на военно-политическую и социально-экономическую составляющие. В период до 1994 г., характеризующийся в российско-белорусской историографии как «подготовительный» [5, с. 43], были заложены правовые основы для взаимодействия России и Белоруссии на системной основе. Что касается перехода к политике интеграции, то он был осуществлен позже, в феврале 1996 г., когда было подписано российско-белорусское соглашение о взаимном урегулировании финансовых претензий по принципу «нулевого варианта». Так, из документа следовало, что «Россия отказывается от своих претензий по государственному долгу Белоруссии по состоянию на 1 января 1996 г.», а Белоруссия, в свою очередь, «от претензий и компенсации по внутреннему валютному долгу бывшего СССР». Обосновывалось такое решение подготовкой к процессу интеграции на двусторонней основе: в частности, в средствах массовой информации Белоруссии утверждалось, что соглашение, предполагающее формулу «нулевого варианта», инициировал президент А. Г. Лукашенко, назвав его «важным шагом реализации достигнутых договоренностей по расширению экономической интеграции двух братских стран» [6, л. 5].

6 марта 1996 г. распоряжением президента Белоруссии А. Г. Лукашенко в республике была создана специальная комиссия для ведения переговоров, связанных с подготовкой проекта договора между Белоруссией и Россией. Ее основной задачей должно было стать определение принципов и основных направлений дальнейшего сближения двух государств [7, л. 14]. В целом позиция высшего политического руководства Белоруссии по поводу модели двусторонней интеграции состояла в том, что это должна была быть конфедерация двух суверенных государств. Об этом президент Белоруссии А. Г. Лукашенко высказывался открыто и многократно, что соответствовало его убеждениям и политическим реалиям СНГ. При этом весьма интересна оценка, которую уже после подписания Договора об образовании Сообщества давал глава белорусского парламента С. А. Шарецкий, возглавивший позже оппозиционное движение в Белоруссии: по его мнению, документ представлял собой «уникальную договоренность», поскольку «две различные по своим потенциалам страны рассматриваются как абсолютно равные» [там же, л. 26].

Политика Белоруссии на других внешнеполитических направлениях также говорила о наличии собственного видения развития государства: к февралю 1996 г. республикой было заключено 35 дву- и многосторонних межгосударственных и межправительственных соглашений о торгово-экономических отношениях с третьими странами [там же, л. 14]. При этом особое значение белорусская дипломатия придавала соглашению о партнерстве и сотрудничестве с ЕС, которое удалось подписать в марте 1995 г. В январе 1997 г. министр иностранных дел Белоруссии И. И. Антонович, проводя пресс-конференцию, заявил о намерении развивать отношения с Россией и Европой, отметив, что оба направления одинаково важны для белорусского государства [8, л. 22].

Приверженность политике интеграции с Россией и другими республиками бывшего СССР со стороны белорусского руководства (несмотря на доводы оппонентов из БНФ и других партий и объединений, что президент якобы сдает белорусский суверенитет) представляла собой хорошо продуманный шаг: республика остро нуждалась в тесном экономическом сотрудничестве с Россией и другими странами СНГ, политической и военно-стратегической поддержке. Российская Федерация в тот период оказывала содействие белорусской республике как привилегированному партнеру в ее стремлении вступить в Совет Европы и другие международные организации. Фонды Архива внешней политики Российской Федерации содержат большой массив документов, показывающих, какую поддержку оказывала Россия белорусскому государству. Так, например, Министерство иностранных дел Республики Беларусь в рассматриваемый период неоднократно обращалось к загранпредставительствам России с просьбой оказать содействие

в проведении визитов на высшем и высоком уровнях белорусских государственных лиц в отдельные страны ЮВА, в частности в Индонезию, Сингапур и Таиланд [9, л. 121–122]. Россией оказывалась консультативная и политическая поддержка Республики Беларусь при открытии белорусских посольств за рубежом [10, л. 138], что имело большое практическое значение для молодой белорусской дипломатии.

2 апреля 1996 г., подписав Договор об образовании Сообщества России и Беларуси, стороны закрепили основополагающую тенденцию в двусторонних отношениях – стремление к интеграции. С политической точки зрения, по словам министра иностранных дел России Е. М. Примакова, это означало перевод в самые короткие сроки двустороннего сотрудничества «в интенсивную фазу развития» [11, л. 159]. Причем в России полагали, что темпы, которыми развивались российско-белорусские отношения, окажут положительное воздействие и на развитие интеграции в СНГ [там же].

Политическая ситуация требовала согласования подходов относительно событий и разворачивающихся тенденций международной жизни. В августе 1996 г. в процессе обсуждения Программы согласованных действий на 1996–1997 гг. в области внешней политики Сообщества России и Беларуси обращалось внимание на необходимость координировать свои усилия в ОБСЕ, а также в более широком плане по вопросам европейской безопасности, включая и отношения двух стран с НАТО [там же, л. 166]. Следует отметить, что подобная практика находила самый широкий отклик как в Белоруссии, так и в России, поскольку к тому моменту деятельность западных стран и их институтов, в частности НАТО, игнорировала интересы Российской Федерации и Республики Беларусь в области безопасности. Так, например, программа НАТО «Партнерство ради Мира» (ПРМ) в отношении ННГ была нацелена на их отрыв от России. Что касается созданного в 1992 г. формата ДКБ, то он не воспринимался западными институтами как центр силы, способный влиять на европейскую безопасность и ситуацию в Евразии.

Более того, в отечественной историографии высказывалось мнение, что страны СНГ, не присоединившиеся к Договору о коллективной безопасности, но присоединившиеся к программе ПРМ – например, Украина, Грузия, Азербайджан, получали дополнительные возможности геополитического давления на Россию [12, с. 49]. Предпринятые действия России в направлении интеграции с Белоруссией были способны изменить ситуацию в регионе. Во всяком случае, подобная политика ставила под вопрос перспективы создания балто-черноморского коридора, а также способствовала укреплению позиций России и Белоруссии в мире.

В августе 1996 г. Республика Беларусь выступила с предложением начать процедуру оформления Парламентского Собрания Сообщества России и Белоруссии в качестве наблюдателя в ООН и других международных организациях парламентского типа [11, л. 296]. С учетом того, что в ООН отсутствовала практика предоставления статуса наблюдателей региональным организациям, российская сторона была вынуждена отклонить соответствующее предложение Белоруссии. Позиция России по данному вопросу сводилась к тому, что Российской Федерации и Республике Беларусь следует «тщательно взвешивать с учетом специфики каждой организации, где для России и Белоруссии выгоднее сохранение участия национальных делегаций, где можно будет добиться совместного представительства Сообщества, а где эта идея вообще неосуществима по политическим причинам» [там же, л. 298].

Проявилась проблема формирования в рамках Парламентского собрания Сообщества России и Белоруссии общих делегаций и их представительства в ключевых международных объединениях, в частности в ПАСЕ и Североатлантической ассамблее.

В дальнейшем после преобразования Сообщества в Союз стороны сделали все для наделения созданного объединения международной правосубъектностью. В июне 1997 г. в ходе первой сессии Парламентского Собрания Союза Беларуси и России было принято обращение к главам государств, парламентам и народам в связи с образованием Союза Беларуси и России, в котором констатировалось существование Союза в качестве «новой геополитической реальности на евразийском пространстве» [13, л. 30]. Кроме того, подчеркивались базовые принципы его создания – суверенитет государств-участников, их независимость и территориальная целостность. В сентябре 1997 г. ООН зарегистрировала Договор о Союзе Беларуси и России, а также Устав Союза, что означало его международное признание.

Важным аспектом существования Союза как регионального объединения являлось отношение к нему других государств и международных объединений. Так, 10 апреля 1997 г. Европейский парламент издал соответствующую резолюцию, в которой осуждались действия России и Беларуси в направлении создания Союза. Одновременно была начата кампания по дискредитации образа Белоруссии как государства с авторитарным политическим режимом. Фактически с аналогичных позиций выступали и США, чьи действия в отношении белорусской республики являлись прямой проекцией политики «к враждебным коммунистическим режимам» времен холодной войны.

В ответ Министерство иностранных дел Республики Беларусь 14 апреля 1997 г. распространило заявление, в котором подчеркивалось, что Договор о

Союзе Беларуси и России «является отражением естественного стремления братских народов к единству», «находится в русле глобальных тенденций» и что при его создании был положен «именно опыт Европейского Союза» [13, л. 8]. Российская сторона по этому поводу также заявляла, что «договор о союзе составлен с учетом норм международного права и основополагающих принципов ОБСЕ», однако такого рода разъяснения, на наш взгляд, зачастую делались не столько с намерением отстоять союз, сколько сохранить возможность поддержания с Западом конструктивных отношений, что соответствовало общей направленности российской внешней политики того периода времени.

Говоря о международной реакции на создание Союза Беларуси и России, следует отметить позицию, в частности, КНР, которая заявила, что российско-белорусский союз – это «большой шаг на пути объединения двух стран», являющийся «естественным стремлением двух родственных государств и народов» [2, с. 175]. Положительное отношение к Союзу также выражали представители Югославии, Монголии, ряда государств СНГ, в частности Армения, Таджикистан, Молдова, Казахстан. При этом российское и белорусское руководство постоянно подчеркивало, что углубление интеграционного процесса в двусторонних отношениях России и Белоруссии не направлено на обособление от других государств СНГ и что союз открыт для присоединения третьих стран [10, л. 68].

С политической точки зрения акцент, который делали представители России и Белоруссии на сохранении в процессе объединения всей полноты государственного суверенитета, вне всякого сомнения, имел для обеих сторон большую практическую значимость. Для Белоруссии интеграция с Россией не рассматривалась как ущемление государственного суверенитета республики. Обвинения в адрес руководства, что оно «целенаправленно сдает белорусский суверенитет» России были не обоснованны. При этом республика в лице Российской Федерации получала надежный рынок сбыта для продукции белорусских предприятий, поставщика углеводородов по сниженным ценам и прочие преференции. Политика интеграции с Россией на двусторонней основе являлась выгодной и обеспечивала возможность поступательного развития белорусской экономики.

Что касается России, то в стране отсутствовал консенсус по поводу конечной цели интеграции с Белоруссией. Так, например, на фоне декларируемых президентом Б. Н. Ельциным принципов российско-белорусского союза – суверенитет, территориальная целостность – в российской Государственной Думе на этот счет было совершенно иное представление. Фактически сразу после подписания договора о создании Союза с Белоруссией Государственная Дума приняла заявление о необходимости поэтапного воссоединения Российской Федерации и Республики Беларусь. В документе подчеркивалось, что государственное воссоединение двух стран направлено на создание «нового федеративного государства, открытого для присоединения всех республик прежнего Союза ССР» [14, л. 72].

В то же время в политическом пространстве России существовали и принципиально иные трактовки происходящего в российско-белорусских отношениях. В конце января 1997 г. председатель комитета по международным делам Государственной Думы Российской Федерации В. Лукин, комментируя в одном из интервью ход интеграционного процесса с Белоруссией, заявил: «Объединяться надо. Но на основе реальных рыночных реформ в двух странах и реального демократического пространства. Это два непременных условия объединения. Уверен, что такие условия в крайней мере несовместимы с Лукашенко». При этом, рассуждая о международном контексте объединения, Лукин обращал внимание, что «если такое решение на добровольной демократической основе будет принято, то нам надо будет встретиться и поговорить о том, как сделать, чтобы оно не было опасно для Польши, Литвы или кого-нибудь еще. Это реальная проблема, которая может возникнуть. Но пока эта проблема реальной не становится» [15, л. 13].

Подобные трактовки российско-белорусской интеграции возникали не на пустом месте. Исследователи отмечали, что «Союз Беларуси и России являл собой скорее намерения, потенциальные возможности и перспективы более тесного сотрудничества между двумя странами» [16, с. 3], которые нужно было еще реализовать. Однако на политическом уровне процесс интеграции шел весьма противоречиво и с разной результативностью. Например, вместо реальной работы, направленной на унификацию законодательства в сфере экономики и приведения к «общему знаменателю» хозяйственной практики, Россия и Беларусь в феврале 1997 г. подписали специальное соглашение об организации расчетов между хозяйствующими субъектами двух стран в национальных валютах, а также в иностранной валюте. При этом недостаточную эффективность показывали и органы, созданные сначала как органы управления Сообществом России и Белоруссии, а затем преобразованные в органы управления Союзом.

Российский исследователь А. Д. Шутов считает, что в тот период было упущено много возможностей для развития Союза, причем в выгодном для России направлении. Произошло это в значительной мере, по его мнению, из-за «пассивности российской стороны» [2, с. 178]. Так, несмотря на цели, зафиксированные в Договоре о Союзе России и Белоруссии, к

1999 г. не удалось в полной мере создать единое экономическое пространство, не были реализованы также планы по унификации денежно-кредитной системы, сохранялось много нерешенных проблем в других сферах. Вполне можно согласиться с точкой зрения, преобладающей в отечественной историографии того времени, что российско-белорусское интеграционное объединение, равно как и СНГ, «испытывало перманентный системный кризис» [17, с. 184–185]. При этом для политического руководства России было характерно убеждение, что Российской Федерации необходимо продолжать линию на интеграцию с Белоруссией, с территорией которой связывалась возможность реализации стратегических интересов страны в военно-оборонной и экономической сферах на западном направлении. Кроме того, следует учитывать, что от того, в каком направлении шло развитие двусторонних отношений с Белоруссией, определялось будущее общеинтеграционного процесса в СНГ. Это означало для российского политического руководства как минимум необходимость поддержания российско-белорусского сближения, несмотря на сложности.

В конце 1998 г. было решено, что для придания российско-белорусским отношениям положительной динамики, расширения и углубления объединительного процесса требуется начать работу над новым «большим договором», намечена перспектива преобразовать Союз в Союзное государство. Раздававшаяся критика по поводу того, что реальные достижения двух стран в сфере интеграции крайне незначительны и предстоит еще многое сделать для конвергенции экономик и политических систем столь разных государств, не завершивших процесс постсоветской трансформации, не повлияла на политическое руководство России и Белоруссии. За основу выработки проекта нового договора были взяты принципы суверенитета и равноправия участников. Что касается возможности усиления нового межгосударственного образования государственными функциями, то такая перспектива участникам интеграционного процесса в тот период казалась преждевременной и даже «опасной авантюрой», способной подорвать центростремительные процессы в регионе.

С политической точки зрения, принятые решения имели важное положительное значение, позволив закрепить общее направление развития российско-белорусских отношений на союзной основе, поскольку потенциал российско-белорусского сотрудничества сулил обеим сторонам существенные выгоды. Кроме того, были определены возможные формы объединения двух стран в новых условиях и направления межгосударственного сотрудничества. При этом политика расширения НАТО на восток и действия Запада в отношении белорусского режима сыграли положительную роль, так как показали единственно возможную геополитическую стратегию России и Беларуси. На основе российско-белорусского тандема были созданы и поддерживаются интеграционные процессы, с помощью которых «расползание» постсоветского пространства удалось приостановить.

Таким образом, российско-белорусский союз явился своеобразной стратегической основой интеграционного процесса в более широких рамках СНГ, осуществлявшегося на основе концепции многоуровневой интеграции. Интеграционная модель в виде Союзного государства России и Беларуси подтверждала перспективность и оптимальность выработанного подхода в условиях политической разобщенности постсоветских государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 653. Оп. 1. Д. 195.

2. *Шутов А. Д.* Постсоветское пространство. М. : Дипломатическая академия МИД России, 1999. 250 с.

3. *Ковальчук А.* Постсоветское пространство в российских внешнеполитических концепциях. М. : Аспект Пресс, 2015. 174 с.

4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 653. Оп. 1. Д. 304.

5. *Бахлова О. В.* Россия и Белоруссия: теоретические основы и политические механизмы интеграции. Саранск : Изд-во Мордовского ун-та, 2006. 319 с.

6. Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 910. Оп. 5. Д. 3 .

7. АВП РФ. Ф. 910. Оп. 5. Д. 4.

8. АВП РФ. Ф. 910. Оп. 6. Д. 4.

9. АВП РФ. Ф. 910. Оп. 5. Д. 2.

10. АВП РФ. Ф. 910. Оп. 6. Д. 2.

11. АВП РФ. Ф. 910. Оп. 5. Д. 1.

12. Политика США на постсоветском пространстве : сборник обзоров и рефератов / [отв. ред. Е. А. Нарочницкая]. М. : Ин-т науч. информ. по общественным наукам РАН, 2006. 170 с.

13. АВП РФ. Ф. 910. Оп. 6. Д. 7.

14. АВП РФ. Ф. 910. Оп. 6. Д. 1.

15. АВП РФ. Ф. 910. Оп. 6. Д. 3.

16. *Чепуров В. М.* Союз Белоруссии, России и Югославии : проблемы и перспективы. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2000. 51 с.

17. Россия и ее соседи. «Славянский треугольник в СНГ» : сб. ст. и обзоров / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам ; [редкол.: П. В. Малиновский (отв. ред.) и др.]. М. : ИНИОН РАН, 2002. 234 с.

REFERENCES

1. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (dalee – RGASPI). F. 653. Op.1. D. 195.

2. Shutov A. D. Postsovetskoe prostranstvo [The post-Soviet space]. M.: Diplomaticheskaya akademiya MID Rossii, 1999. 250 p.

3. Koval'chuk A. Postsovetskoe prostranstvo v rossijskih vneshnepoliticheskih koncepciyah [The post-Soviet space in Russian foreign policy concepts]. M.: Aspekt Press, 2015. 174 s.

4. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI). F. 653. Op. 1. D. 304.

5. Bahlova O. V. Rossiya i Belorussiya: teoreticheskie osnovy i politicheskie mekhanizmy integracii [Russia and Belarus: theoretical foundations and political mechanisms of integration]. Saransk: Izd-vo Mordovskogo un-ta, 2006. 319 p.

6. Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (dalee – AVP RF). F. 910. Op. 5. D. 3.

7. AVP RF. F. 910. Op. 5. D. 4.

8. AVP RF. F. 910. Op. 6. D. 4.

9. AVP RF. F. 910. Op. 5. D. 2.

10. AVP RF. F. 910. Op. 6. D. 2.

11. AVP RF. F. 910. Op. 5. D. 1.

12. Politika SShA na postsovetskom prostranstve: sbornik obzorov i referatov [US Policy in the post-Soviet space: a collection of reviews and abstracts] / [otv. red. E. A. Narochnickaya]. M.: In-t nauch. inform. po obshchestvennym naukam RAN, 2006. 170 p.

13. AVP RF. F. 910. Op. 6. D. 7.

14. AVP RF. F. 910. Op 6. D. 1.

15. AVP RF. F. 910. Op. 6. D. 3.

16. Chepurov V. M. Soyuz Belorussii, Rossii i Yugoslavii: problemy i perspektivy [The Union of Belarus, Russia and Yugoslavia: problems and prospects]. M.: RIC ISPI RAN, 2000. 51 p.

17. Rossiya i ee sosedi. «Slavyanskij treugol'nik v SNG»: Sb. st. i obzorov [Russia and its neighbors. «The Slavic Triangle in the CIS»: Collection of articles and reviews]. Ros. akad. nauk. In-t nauch. inform. po obshchestv. naukam; [redkol.: P. V. Malinovskij (otv. red.) i dr.]. Moskva: INION RAN, 2002. 234 p.

Курский государственный университет
Веревкина Ю. И., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, докторант
E-mail: verewkina2403@yandex.ru

Поступила в редакцию 26 января 2026 г.
Принята к публикации 6 апреля 2026 г.

Для цитирования:
Веревкина Ю. И. Союзное государство России и Белоруссии как основа интеграции на постсоветском пространстве (1995–1999 годы) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2026. № 2. С. 49–55. DOI: https://doi.org/10.17308/history/1995-5480/2026/2/49-55

Kursk State University
Verevkina Yu. I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General History, Doctoral Student
E-mail: verewkina2403@yandex.ru

Received: 26 January 2026
Accepted: 6 April 2026

For citation:
Verevkina Yu. I. The Union State of Russia and Belarus as a basis for integration in the post-Soviet space (1995–1999). *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology.* 2026. No. 2. Pp. 49–55. DOI: https://doi.org/10.17308/history/1995-5480/2026/2/49-55